

Второй вопрос, где Н. В. Синицыной, несмотря на неизбежную лапидарность изложения, удалось сделать важные наблюдения, — понимание Максимом общественной задачи философа, его права давать советы, наставления правителю (с. 146—148). Конечно, эта важная тема требует особого исследования, но представляется бесспорным, что Н. В. Синицына заложила для него хорошую основу.

В заключение хочется сказать, что интересная монография Н. В. Синицыной, тщательная и многоплановая, ставит перед нашей наукой важнейшую практическую задачу — осуществить, наконец, полное издание сочинений Максима Грека. Дальнейшее откладывание этого дела все больше оборачивается непростительным невниманием к истории отечественной культуры. Хотя Максим Грек написал очень много, не забываясь о современных издательских проблемах, применяясь к техническому уровню скриптория, а не типографии, издание это готовить надо, несмотря на всю трудоемкость такой работы. Исследование Н. В. Синицыной сделало немало для подготовки такого издания и показало всю необходимость его.

Н. Н. Покровский

Некоторые проблемы истории поздневизантийского города в новейших исследованиях

Поздневизантийский город является актуальной сферой изучения в современном византиноведении. Рассматриваемые здесь работы отражают, с одной стороны, очевидный интерес, проявляемый в последнее время авторами к позднему периоду истории Византии, а с другой — свидетельствуют о различиях в характере и методах исследования данной проблематики.

Историографическая статья В. Гроховой посвящена рассмотрению современного состояния исследований о средневековом городе Юго-Восточной Европы на основе болгарского, югославского и греческого материалов, относящихся к периоду с XII по XV в.¹ Выбор указанного региона говорит о том, что автор исходит из идеи об определенной общности развития города на территории, лежащей к югу от Дуная. Особенности балканского города по сравнению с западноевропейским во многом определялись общим развитием экономических и социальных процессов в Юго-Восточной Европе, изучение которых имеет большое значение для определения существенных черт городской жизни данного района (с. 590)². Отмечая дискуссионность проблемы специфики балканских городов и их внутренней типологии, В. Грохова раскрывает в своей статье тот важный вклад, который сделала марксистская историография в разработку этой проблемы, преодолев предшествующую ориентацию на изучение нескольких византийских городов (таких, как Константинополь и Фессалоника) и подходя к исследованию города как «комплексному целому». Благодаря работам историков Болгарии и Югославии возросло внимание к менее значительным городским центрам, создана фактологическая база для новых исследований. Решение проблем балканского города, как отмечает В. Грохова, в значительной мере затрудняется спорами вокруг самого понятия «город» (с. 585). Эта неопределенность вытекает не в последнюю очередь из противоречивости средневековой терминологии, которая, по мнению автора статьи, является недостаточно прочным основанием для характеристики того или иного поселения как города (с. 585).

Останавливаясь на источниковедческой базе, необходимой для решения поставленных задач, В. Грохова полагает, что сведения о средневековых балканских городах нельзя искать только в официальных документах, поскольку среди них преобладают грамоты, связанные с упорядочением дальней торговли, прежде всего — с итальянскими городами-республиками. Переоценка данного типа источников привела бы

¹ *Hrochová V.* Současný stav bádání o středověkém městě v Jihovýchodní Evropě. — *Československý časopis historický*, 1977, 25, с. 4, s. 585—606.

² См. также: *Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX веков. М., 1976, с. 21—71; *Hrochová V.* Byzantská města ve 13.—15. století. Příspěvek k sídelní topografii stredovekeho Recka. — *AUC, Philosophica et Historica Monographia*, 1976, 20; *Eadem.* Les villes byzantines aux 11e—13e siècles: Phénomène centrifuge ou centripète dans l'évolution de la société byzantine? — XVe Congrès International d'Etudes Byzantines. Rapports et Co-Rapports, I. Histoire. Athenes, 1976, p. 2—14.

к реконструкции сети балканских городов как торговых колоний итальянского купеческого капитала (с. 587). Вследствие этого исследовательница большое значение придает комплексному анализу источников, важное место среди которых отводится до сих пор недостаточно изученным и используемым сообщениям путешественников и средневековым хроникам. В последней группе источников как сравнительно надежные исторические сочинения упоминаются труды Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина (с. 588).

Трудность в определении понятия «город» для Юго-Восточной Европы также связывается В. Гроховой до известной степени со спорностью применения для этого региона основного тезиса, согласно которому города возникли в результате второго общественного разделения труда. Характер источников не позволяет определить ход и проявление последнего: «Археологические источники подтверждают ремесленное производство в городах, однако вовсе не как исключительно городское явление» (с. 601). В связи с этим ставится вопрос: каким же путем можно подойти к определению городского характера того или иного поселения? На наш взгляд, исходная теоретическая позиция В. Гроховой при ответе на этот вопрос не бесспорна. По ее мнению, город в системе феодальных отношений представлял собой «чужеродный элемент» (с. 585), т. е. нефеодальный по своему существу. И в то же время, выдвигая свой функциональный критерий в определении города, В. Грохова видит основное отличие города от деревни в неземледельческом занятии его населения (с. 601). Однако, как уже было отмечено, В. Грохова отнюдь не считает ремесленное производство исключительно городским явлением. Что же касается неземледельческих функций города, среди которых исследовательница выделяет торговую, ремесленную, военную, политическую функции, в то них, по нашему мнению, нет ничего нефеодального в своей основе. В противном случае пришлось бы рассматривать балканский город XII—XV вв. не как вполне определенное господствующей системой отношений историческое явление, а как некий вневременной, внеисторический феномен.

Исходя из результатов новейших исследований и применяя функциональный критерий, В. Грохова предлагает следующую типологию средневековых городов Юго-Восточной Европы:

- 1) самые важные центры дальней и местной торговли и ремесленного производства (Фессалоника, Патры, Дубровник, Арга, Задар, Сплит и др.);
- 2) центры дальней и местной торговли, которые по численности населения и своему значению находились в тени крупных эмпориев (София, Ларисса, Белград, Ниш и др.);
- 3) города, значение которых было тесно связано с их функцией в сфере торговли;
- 4) города со специфической ориентацией на горное дело (Ново Брдо, Сребреница и др.);
- 5) города, выполняющие, насколько можно судить в настоящее время, только политическую, административную или военную функцию и не имеющие никакого экономического значения.

Предложенная типология до известной степени дает возможность разрешить некоторые трудности терминологии источников, однако очевидна и ее односторонность, так как лежащий в ее основе функциональный критерий при всей его существенности в силу частого смешения различных несельскохозяйственных функций того или иного городского поселения может дать лишь более или менее ориентировочные оценки. С другой стороны, рассматриваемая типологическая схема оставляет в тени весьма существенные моменты социально-политического развития балканского города и, наконец, не отражает динамики, основных тенденций в городском развитии Юго-Восточной Европы в XII—XV вв.

Одно из основных направлений в современной разработке проблем поздневизантийского города представляет статья немецкого историка К.-П. Мачке, в центре внимания которого лежат спорные вопросы социальной структуры, политического развития поздневизантийской столицы³. В отличие от работы В. Гроховой в статье К.-П. Мачке основной упор делается на важные моменты внутреннего развития Константинополя

³ Matschke K.-P. Rolle und Aufgaben der Demarchen in der spätbyzantinischen Hauptstadt. Ein Beitrag zur Geschichte der Stadt und der städtischen Bevölkerung in Byzanz. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus, 1977, 2, S. 211—231.

XIV столетия, города, как известно, занимавшего особое положение среди византийских центров и на котором В. Грохова специально не останавливалась.

Детально анализируя различные по времени и характеру источники, К.-П. Мачке ставит своей задачей не только исследование института димархов, раскрытие их действительной роли и значения в системе государственного и городского управления, но и изучение роли народных масс в политических движениях византийской столицы и других городов в период гражданских войн первой половины — середины XIV в. Полемизируя с западногерманским историком Г. Вайсом, который ссылкой на деятельность димархов частично аргументирует положение о том, что поздневизантийский город не только в теории, но и в действительности был демократией (с. 213), К.-П. Мачке приходится к противоположному выводу (с. 231). Уже из этого становится ясно, какое принципиальное значение имеют поднимаемые в статье вопросы взаимоотношений между представителями господствующего класса, димархами и основной частью населения Константинополя.

С одной стороны, К.-П. Мачке на основании имеющихся источников, главным образом исторических сочинений современников описываемых событий — Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина, показывает очевидное оживление политической активности народных масс византийской столицы в условиях гражданских войн XIV в. Так, говоря об участии «месой», упоминаемых Кантакузиным, в событиях, связанных со взятием Константинополя Андроником III 28 мая 1328 г., К.-П. Мачке определяет их как представителей «средних слоев города», которых в армии молодого императора находилось «целое множество» (с. 220). Здесь же отмечается, что в острой политической борьбе за власть Андроники вынуждены были опираться на ремесленников и другие слои городского населения. Интерпретация К.-П. Мачке данного места из сочинения Кантакузина сходится с мнением И. Шевченко⁴, однако автор рассматриваемой статьи дает «средним» более развернутую и конкретную характеристику. К.-П. Мачке специально не останавливается на роли этой социальной группы в политической жизни Константинополя, возможно, из-за скудости сведений, которые сообщают о них поздневизантийские авторы. На наш взгляд, выявление степени участия столичных «месой» в событиях гражданских войн, определение характера и роли этого слоя населения в социальной структуре Константинополя имеет важное значение для характеристики масштабов и самого социально-политического содержания движения народных масс. Очевидно, не случаен тот факт, что достаточно подробные сообщения Кантакузина об участии «месой» в фессалоникских и адрианопольских событиях связываются им с различными этапами политической борьбы в указанных городах.

Отмечая определенное увеличение удельного веса производительных городских слоев в политической жизни Константинополя, К.-П. Мачке в то же время не склонен переоценивать их активность и реальные возможности. Слабость ремесленных слоев, составлявших основу охраны и обороны византийских городов, К.-П. Мачке видит и в том, что в наступательных действиях за пределами городских стен они в силу своей неподготовленности привлекались в ограниченном масштабе (с. 221). В отличие от Западной Европы, где милиция и городские ополчения часто играли значительную и даже решающую роль в политико-военных столкновениях, в поздней Византии указанные институты неизвестны и, как полагает К.-П. Мачке, «этот факт имел большое значение для поражения народного движения против магнатов в 40-е годы XIV в.» (с. 221).

В непосредственной связи с оценкой роли городских низов в политической жизни Константинополя и других городов дается характеристика института димархов. Если в последних Г. Вайс видит представителей, вождей, выразителей интересов народа, то, напротив, К.-П. Мачке считает, что «димархов надо рассматривать прежде всего в качестве агентов государства, но не как исполнительный орган воли народа» (с. 224, 231). Однако, отмечает он, в некоторых случаях, как, например, в событиях, связанных с выступлением Алексея Апокавка против Кантакузина в 1341 г., димархи могли использоваться как инструмент в руках господствующей верхушки города для активизации низших слоев населения (с. 222). В определенных исторических ситуациях на

⁴ *Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his Dialogue between the Rich and the Poor.* — ЗРВИ, 1960, 6, p. 200.

роль димархов претендовали люди, происходившие частично из нижних слоев и из тех групп, которые на протяжении всей гражданской войны решительно и наиболее последовательно выступали против натиска магнатов (с. 224). Но выдвижение их исходило не от народа, а от вождей формирующегося регентства; они символизировали лишь временное сближение руководителей с народом, сближение, связанное со сложными перипетиями гражданской войны. Попытки отождествления димархов с представителями народа и народных движений в городах, как это делает Г. Вайс в отношении адрианопольского восстания 1342 г., К.-П. Мачке считает сомнительными (с. 222).

Находящийся в распоряжении исследователей материал относительно поздневизантийских димархов очень фрагментарен, но он, по мнению автора рассматриваемой статьи, достаточен для понимания важных сторон их деятельности. Среди основных задач, выполняемых димархами, К.-П. Мачке выделяет следующие: обеспечение безопасности и спокойствия, охрана господствующего порядка внутри и извне (с. 231). Характер института димархов, определяемый прежде всего проведением в жизнь политики государства, по мнению К.-П. Мачке, не был определен раз и навсегда, но в значительной мере зависел от соотношения сил в столкновениях господствующего класса и городских народных масс.

Исследуя вопрос о димархах, К.-П. Мачке также ставит вопрос о структуре и организации столичного населения. Историк считает, что организация жителей Константинополя в поздневизантийский период имела простейшую форму и определялась совместным проживанием, хотя, возможно, она включала в себя различные другие элементы и остатки более ранних организационных форм (с. 231). Расселение ремесленников разных специальностей по тем или иным кварталам столицы вполне согласовывалось с деятельностью димархов, привлекавших жителей вверенных им районов к несению караульной службы и осуществлению мероприятий по обороне города.

Давая общую оценку внутриполитического развития поздневизантийской столицы, К.-П. Мачке подчеркивает тот факт, что «Константинополь был в палеологовское время не островом классового мира или только ареной конституционной деятельности народа, но звеном в цепи столкновений, которые потрясли XIV столетие» (с. 231).

В рассматриваемых статьях В. Гроховой и К.-П. Мачке среди прочих трудностей при изучении проблем поздневизантийского города отмечается скудость и фрагментарность имеющихся данных источников. К числу наиболее важных памятников оба исследователя относят «Историю» Иоанна Кантакузина, которой принадлежит особое место среди источников по истории поздней Византии. Автор этого обширного труда, имеющего мемуарный характер, был не только одной из главных политических фигур XIV в. — наряду с Никифором Григорой он является основным историком эпохи, наиболее драматичной и насыщенной решающими для нее событиями. Его труд важен не только для византинистов, но и для всех, кто изучает картину сложного переплетения экономических и политических интересов различных государств Европы в Восточном Средиземноморье. Между тем до сих пор отсутствует полный комментированный перевод этого самого значительного произведения Кантакузина.

В 1977 г. была опубликована диссертация американского исследователя Т. Миллера, представляющая собой комментированное издание (с переводом текста на английский язык) первой части 4-й книги «Истории» Иоанна Кантакузина⁵. Интерес автора издания к этой части источника, очевидно, объясняется, с одной стороны, тем, что рассматриваемые здесь события 1347—1349 гг. по существу подводят итог предшествующему периоду развития византийского общества; с другой стороны, этот интерес обусловлен тем богатым материалом, который содержит кантакузиновское повествование по военной, политической, идеологической и социально-экономической истории Византии XIV в. Важно то, что автор диссертации анализирует и оценивает «Историю» как исторический источник в целом.

Структура издания Т. Миллера следующая: общее введение (с. 1—6), введение в текст (с. 7—39), текст (с. 40—146), английский перевод (с. 147—237), комментарий (с. 238—395).

⁵ *Miller T. S. The History of John Cantacuzenus (Book IV): Text, Translation and Commentary. Washington, 1977, p. 1—395.*

Текст предваряет специальное введение, где Т. Миллер дает общий историко-филологический анализ источника, подробно останавливаясь на особенностях каждой из шести рукописей «Истории», четыре из которых (S, L, B, P) относятся к XIV в., две другие (M, G) датируются XVI в. Внимание исследователя сосредоточено главным образом на рукописях S, L, B, P, являющихся, по его мнению, списками, скопированными с личных записей Кантакузина примерно в одно время — в 1369 г. (с. 30).

Характеризуя предшествующие издания источника, автор отмечает, что все они, за исключением боннского, основывались практически на какой-либо одной рукописи (с указанием вариантов чтения текста по другим рукописям). Так, самое раннее (1645 г.) парижское издание, воспроизводившее греческий текст по манускрипту P, содержало ряд недостатков, имевших основанием не только рукописные ошибки (с. 33). Последующее венецианское издание (1729 г.) было лишь отчасти исправленной перепечаткой парижского текста. Парижская версия использовалась также при издании «Истории» в Боннском корпусе (1828—1832 гг.). Здесь на основе мюнхенской рукописи G были исправлены ошибки парижского издания — как те, которые происходили из особенностей чтения рукописи P, так и типографские ошибки самого издания. Посредством работы над рукописью G были приведены в соответствие разночтения рукописей B и L. Таким образом, боннское издание учитывает три рукописи XIV в.: G, B, P (с. 34). Последнее полное издание «Истории» было опубликовано Минем в 1866 г.; это издание не использует улучшенный текст Боннского корпуса, а опирается, скорее всего, на венецианскую версию, сохраняя многие ошибки парижского текста (с. 35).

Реконструируя текст 4-й книги «Истории», Т. Миллер впервые использовал все шесть известных рукописей, причем S, L, B, P рассматриваются им в качестве первоначальных списков работы Кантакузина (с. 36). Во всех спорных случаях выбор чтения основывается на требованиях грамматики и контекста. Варианты чтения, содержащиеся в манускриптах, указаны в аппарате. Разделение на главы, установление их названий, нумерация глав основаны в издании на сопоставлении списков L и B. По мнению Т. Миллера, «они дают подразделения текста, которые если Кантакузин сам и не составлял, то определенно видел и, вероятно, одобрил, так как они находятся среди копий, изготовленных в хорошо известном ему скриптории» (с. 36). Таким образом, в работе Т. Миллера мы имеем первое критическое, с учетом всех имеющихся рукописей, издание одной из наиболее важных частей «Истории» Кантакузина.

В понимании характерных особенностей комментария Т. Миллера к публикуемому им источнику многое объясняет общеисторическая позиция исследователя, которой присущ известный субъективизм в оценке исторических судеб византийского государства. Так, он пишет: «Победа турок не была неизбежной, и, конечно же, она не казалась таковой для людей того поколения. Этот триумф был результатом серии человеческих решений, которые разрушили византийское государство и устранили какое-либо сопротивление продвижения турок в Европу. Человеком, принявшим многие из такого рода решений, был Иоанн Кантакузин» (с. 1—2).

Давая отрицательную оценку роли Кантакузина в гражданской войне, Т. Миллер упускает из виду, что последняя была вызвана отнюдь не только «серией человеческих решений», но всем комплексом политических и хозяйственных причин при взаимодействии внутреннего и внешнего факторов. Автором не вскрываются социальные, экономические корни противоречий, лежавших в основе борьбы различных сословий поздневизантийского общества. Политическая позиция самого Кантакузина характеризуется весьма неопределенно, и лишь вскользь упоминается о земле и деньгах, за которые боролись сторонники Кантакузина (с. 4). Противоречия между приверженцами и противниками императора по существу сводятся к внешним проявлениям соперничества за власть в государственном аппарате. Трудно сказать, считает ли автор комментария Византию XIV в. феодальным государством. В его терминологическом арсенале отсутствуют такие понятия, как «феодализм», «феодальный» и т. п. Методологическая слабость Т. Миллера обнаруживается как в отсутствии четких характеристик отдельных исторических явлений, так и в неясности общей социально-экономической картины поздневизантийского общества, которая вырисовывается из введения и комментария.

Комментарий, в основу которого, как можно заключить из замечания Т. Миллера, положен принцип проблемного рассмотрения материала источника и относящейся к нему литературы (с. 1), в действительности имеет скорее историко-описательный,

справочный, нежели исследовательский характер. Но часто, не вдаваясь в анализ событий, автор тем не менее дает богатую фактологическую базу, привлекает различные источники, что является важным достоинством настоящего издания.

Значительная часть комментария посвящена социально-экономическим проблемам поздневизантийского общества, в частности его городской жизни. Городские поселения Кантакузин обозначает в зависимости от главной или совокупности основных функций терминами *ἡ πόλις, τὸ φρούριον, τὸ πολίχιον*, причем почти во всех случаях подчеркивается значимость этих поселений как военно-политических, административных центров. В условиях постоянной военной угрозы извне и внутривизантийской напряженности появление новых городов-укреплений, как и возрастание значимости старых центров обороны, отражает, на наш взгляд, определенную тенденцию развития поздневизантийского города, которая должна учитываться при выработке типологической схемы развития последнего. Т. Миллер дает достаточно историко-географические сведения об упоминаемых Кантакузиным городах (с. 249, 250, 279, 280, 284, 323, 331—333), особо отмечая их стратегическую значимость, однако не делает попытки выявить различия в терминологическом диапазоне Кантакузина при обозначении различных видов городских поселений. На трудность выделения типологических особенностей византийского города с опорой на терминологию поздневизантийских источников указывает В. Грохова в рассматриваемой статье.

В связи с изучением событий гражданской войны среди важных сюжетов, которые активно разрабатываются в современной историографии, Т. Миллер поднимает вопрос о так называемой поздневизантийской «народной ассамблее», привлекая при этом в качестве параллельных Кантакузину источников свидетельства Никифора Григоры и Алексея Макремволита (с. 289, 290, 291, 297, 337, 338). Исследователь считает, что «народные ассамблеи» сыграли важную роль в политической жизни XIV столетия (с. 289). Отмечая существование известных различий между константинопольскими всеобщими ассамблеями и народными собраниями провинциальных городов, автор не ставит перед собой задачу выявления этих особенностей, ограничиваясь рассмотрением «нормальной», «сбалансированной» структуры ассамблеи (с. 290), в рамках которой пытается в общих чертах определить роль и положение различных социальных групп города. Менее всего организованным, по его мнению, является демос, роль руководителя которого в некоторых случаях играли димархи (с. 291). Очевидно, в данном вопросе Т. Миллер солидарен с упоминавшимся выводом Г. Вайса, который расходится с точкой зрения К.-П. Мачке. Последний вообще считает открытым, недостаточно разработанным вопрос о роли димархов в городских народных собраниях. Наряду с династами, клиром, демосом как «сословиями», при непосредственном участии которых функционировала «народная ассамблея», в ее организации принимали участие корпорации (с. 291). Считая народные собрания характерным элементом политической жизни всех больших городов, Т. Миллер отмечает, что структура этого института неясна и, «возможно, он имел нестрогую конституционную форму» (с. 290). В комментарии нет каких-либо конкретных оценок сущности «народной ассамблеи» в условиях XIV в. Автором не учитываются не только советские работы, но и некоторые важные зарубежные исследования по этому вопросу⁶.

Социальным характеристикам Т. Миллера, которые касаются внутригородской борьбы, присуща известная модернизация. Его терминология, характеристики являются чрезмерно «рыхлыми» даже для современной буржуазной исторической науки. Так, Т. Миллер считает без каких-либо обоснований возможным оперировать такими понятиями, как «класс богатых греков» (с. 355), «рабочие» (с. 332), «фабричные рабочие» (с. 205), «бизнесмены» (с. 205, 297), «банкиры» (с. 297), «революция» (с. 183). Вряд ли можно согласиться с переводом *οἱ περὶ ἐμπορίας ἡσυχολιμένοι* как «бизнесмены», а *οἱ ἐν ἐργαστηρίοις διατρίβοντες* как «фабричные рабочие».

Остановливаясь на финансовых мероприятиях византийского правительства и характеризуя их как «новую экономическую политику Кантакузина» (с. 334), Т. Миллер по существу приходит к выводу, что император, руководствуясь прежде всего инте-

⁶ Критический анализ современной буржуазной историографии по рассматриваемой проблеме см.: *Медведев И. П.* Роль народных масс в истории поздней Византии в освещении новейшей буржуазной историографии. Л., 1976, с. 254—266.

ресами казны, пытался улучшить положение местных торговых кругов в их борьбе с итальянскими конкурентами (с. 334, 352—357, 363).

Ряд комментариев посвящен вопросам внутриполитической борьбы между различными группировками господствующего класса. Не вскрывая сути противоречий, автор, ограничиваясь перечислением наиболее видных участников кантакузиновской партии и враждебного ей лагеря, приводит некоторые сведения, касающиеся взаимоотношений Кантакузина с Иоанном Калекой, Алексеем Апокавом, Григорием Паламой, патриархом Исидором (с. 242, 245, 246, 256—266, 289, 299). Сопоставляя данные «Истории» со свидетельствами других источников, Т. Миллер, в частности, высказывает мысль, что «Кантакузин — единственный источник, упоминающий отмену отлучения Иоанна Калеки Исидором» (с. 266).

В части, посвященной внешнеполитическим проблемам, составляющим одну из главных сюжетных линий комментария Т. Миллера, значительное место отводится характеристике отношений между папской курией и правительством Кантакузина. В основе этих отношений, как считает автор, лежала не только организация нового крестового похода против турок, в котором были весьма заинтересованы наряду с Византией Генуя и Венеция, но и обсуждение вопроса об унии церквей, на которую был готов император и о чем он предпочитал умалчивать (с. 312). Первое упоминание об этом Кантакузин приводит лишь в связи с ответным посольством папы, всецело приписывая последнему инициативу в вопросе об унии (с. 316).

Противоречия между Византией и итальянскими городами-республиками, разрешавшиеся самыми различными способами — от заключения соглашений до открытых военных действий, — являются в книге предметом подробного рассмотрения, тем более что эти противоречия были теснейшим образом связаны с социальной борьбой в Константинополе и других крупных городах империи (с. 273, 334—336, 342—348, 358—364). Пагубные последствия итальянского соперничества для Византии можно сравнить только с разрушительной силой турецких вторжений. Последний внешнеполитический фактор служил важным аргументом во взаимных обвинениях Кантакузина и его политических противников (с. 294, 295, 325—329).

Касаясь византийско-сербских отношений (с. 276—282), Т. Миллер останавливается на усилиях Кантакузина вернуть захваченные Душаном области и указывает на то особое значение, которое Кантакузин придавал отвоеванию городов, — передача их Византии оговаривалась условиями договора, заключенного с сербами (с. 278, 279). Т. Миллер ставит под сомнение условия этого договора в том виде, как они приводятся Кантакузиным, считая маловероятным, чтобы Душан согласился по существу бескорыстно помогать императору (с. 278).

Таким образом, основная часть комментария Т. Миллера посвящена политическим и социально-экономическим сюжетам. Особый интерес представляют здесь не столько конкретные наблюдения и выводы автора, сколько та источниковедческая база, на которой ученый рассматривает материал «Истории». Использование свидетельств многочисленных и разнохарактерных источников, не только византийских, но итальянских, турецких, несомненно, помогает полнее и многостороннее исследовать ту или иную проблему. Кроме того, такое сопоставление помогает более глубокому пониманию особенностей «Истории» как источника и выяснению политической роли ее автора в поздне-византийской истории. Значительное внимание, которое уделяется в комментарии социально-экономическим проблемам, делает его важным подспорьем при изучении городской тематики, хозяйственных связей Византии с итальянскими городами-республиками. Достоинство работы Т. Миллера в значительной мере заключается также в том, что по существенным вопросам, поднимаемым в комментарии, даются отсылки к параллельному материалу всех книг «Истории». Настоящее издание отражает растущий в последнее время интерес к «Истории» Иоанна Кантакузина как к одному из основных источников по истории поздневизантийского периода и, несомненно, принесет пользу всем исследователям рассматриваемой эпохи.

Таким образом, статьи В. Гроховой, К.-П. Мачке и издание Т. Миллера, отличаясь друг от друга по своему характеру и методу исследования, представляют важные и взаимосвязанные направления на нынешней стадии изучения поздневизантийского города. Чрезвычайно важно и плодотворно стремление выявить его региональную специфику, дать научно обоснованную типологию и тем самым определить место поздне-

византийского города в европейской истории⁷. Обобщение возможно лишь на основе конкретного исследования различных аспектов городской жизни. Статья К.-П. Мачке, будучи примером такого подхода, фокусирует в себе целый комплекс вопросов, решение которых позволило бы с большей точностью и обоснованностью определить особенности византийского города XIII—XV вв. В связи с этим большое значение приобретает привлечение новых и углубленное изучение имеющихся источников. Попытка Т. Миллера, предпринятая в этом направлении, расширяет наши возможности в исследовании поздневизантийского города.

В. Н. Заважин

Sirarpie Der Nersessian. L'Art arménien dès origines au XVIIe siècle. Paris, 1977. Orient et occident. Art et métiers graphiques, 272 S.

Литература по армянскому искусству обогатилась еще одним монументальным трудом, цель которого — познакомить читателя с первоклассным по своему значению искусством Армении от его истоков до XVII в., проиллюстрировав многочисленными, преимущественно цветными, репродукциями всех видов армянского искусства — архитектуры, скульптуры, живописи, особенно миниатюрной. Уже в аннотации к книге выдвинуты положения, которых придерживается автор, а именно: «Посредник между азиатскими народами и народами Средиземноморья, Армения своей культурой, религией и даже своим происхождением более близка к Западу, чем Востоку. Архитектурная традиция ставит эту страну в ряд даже с европейским романским искусством. Наряду с иранским (ахеменидским, парфянским) влиянием, в ранний период имело место сильное эллинистическое течение, которое было стойким долгое время после исчезновения с исторической сцены Селевкидов, в то время как Рим в художественной жизни страны не играл, по-видимому, роли». И далее: «Контакты с соседними и даже отдаленными странами и народами, в том числе с теми, которые обособивались на армянской земле, расширяли горизонты мастеров, давали им возможность познавать иные художественные формы, на которые они всегда накладывали свой отпечаток. Каждый период независимости Армении отмечен новым подъемом творческой активности без полного разрыва с предыдущим, т. е. с сохранением собственной традиции». Все эти положения не вызывают сомнений.

В книге шесть разделов: 1. Античная Армения, 2. Христианская Армения, 3. Армянские царства Багратидов и Арцрунидов, 4. Киликийское царство, 5. Крупные феодальные роды, 6. Поздний период. Книга снабжена библиографией, списком иллюстраций и индексом.

Поставив целью дать популярное изложение двухтысячелетней истории армянского искусства, С. Дер Нерсессян исходит из своих предыдущих фундаментальных исследований. Книга написана изящным языком, четкие, порой краткие формулировки нередко раскрывают сложные проблемы. Сами памятники рассматриваются на фоне общехристианской культуры и искусства. Главам предшествуют краткие исторические характеристики каждого периода. Однако автор не останавливается на различиях общественного строя, менявшегося в процессе исторического развития Армении, что помогло бы яснее дифференцировать предположенные разделы и выявить их специфику в области идеологии. Возможно, это привело бы и к несколько иным названиям разделов книги. Чтобы показать основную линию развития армянского искусства, С. Дер Нерсессян должна была тщательно отобрать материал, известный ей во всей полноте. Популярное изложение должно было привести к известной хрестоматийности, что неизбежно, например, для античного периода, от которого до нас сохранилось лишь незначительное количество памятников. Это не дает возможности, как замечает автор, представить эволюцию форм и выявить специфические армянские черты (с. 20), но, собранные в одной книге и впервые прекрасно воспроизведенные, они получили новое звучание.

⁷ Как отмечает З. В. Удальцова, в последнее десятилетие в советском византиноведении наблюдается заметное возрастание интереса к исследованиям типологического характера; см.: *Удальцова З. В. Новейшие исследования советских византинистов.* — ВВ, 1978, 39, с. 3.